

движений мусульман не исключает возможного использования военного потенциала, предназначенного для этих целей, а не только для охраны национального суверенитета и территориальной целостности.

Внутренние противоречия режима достаточно отчетливо видны, особенно в условиях увеличения степени открытости экономики и внешней политики. И хотя пока усложнение политической структуры (создание дополнительных органов и партий) дает возможность справляться с обострением этих противоречий, дальнейшие изменения неизбежны. Парадоксальность ситуации в Иране в том, что инициатором реформ, отчетливо носящих характер общемировых тенденций, выступают на данном этапе представители духовенства, и перед ними встает вопрос о той грани реформирования всей многоаспектной системы, за которой она может перестать быть исламской. Представляется, что наиболее вероятным разрешением противоречия станет конституционное перераспределение полномочий центров власти в пользу светских органов, которое обеспечит возможность более адекватного взаимодействия с мировым сообществом. В ином случае, какую бы политику режим ни проводил, если духовенство сохранит свое верховенство в политической структуре, она, даже если в какой-то мере и будет соответствовать мировым тенденциям, не утратит специфического характера и будет отвечать в первую очередь корпоративным интересам духовенства. Поэтому, учитывая тенденции эволюции режима, можно прогнозировать с достаточно большой долей вероятности его дальнейшую прогрессивную трансформацию, но нельзя исключить и возможности «возрождения экстремистских» элементов политики.

*«Ислам и общественное развитие в начале XXI века»,
М., 2005 г., с. 42–51.*

Георгий Мирский,
доктор исторических наук
ШИИТЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Заметная черта нашего времени – беспрецедентный всплеск внимания к исламу как к религии и еще в большей степени как к ядру уникальной мусульманской цивилизации. «Сунниты», «шии-

ты», «ваххабиты», «исламисты», «джихадисты» – этими терминами пестрят мировые средства массовой информации. Интерес к шиитам резко возрос уже более четверти века тому назад на фоне «исламской революции» в Иране. За последнее время их политическая роль существенно возросла в результате известных событий в Ираке. Многие предсказывают, что XXI столетие войдет в историю ислама как век шиитов.

В первой половине VII в. н. э., при жизни Мухаммеда, ислам представлял собой единую религию. Раскол среди только что возникшего мусульманского сообщества (по-арабски умма) произошел лишь после смерти основоположника новой религии. Дело в том, что Мухаммед, как глава первого мусульманского теократического государства, не успел назвать имя своего преемника (халиф). И хотя ближайшим сподвижником «повелителя правоверных» был его двоюродный брат Али бен Аби Талиб, к тому же взявший себе в жены его дочь Фатиму, первым халифом стал в 632 г. тесть Мухаммеда, Абу Бакр. Часть бывшего окружения Мухаммеда уже тогда выступила за преемство Али и сохранение верховной власти в буквальном смысле в семье Мухаммеда, считая Абу Бакра узурпатором. Тестю Мухаммеда наследовали сначала Омар, а затем Осман, и лишь после убийства последнего в 656 г. халифом (четвертым) был провозглашен Али, которому впоследствии бросил вызов родственник Османа, Муавия. Тогда-то и возник раскол, принявший форму настоящей войны. Али был убит, а Муавия стал халифом и основал Омейядский халифат. Однако сторонники Али, называвшие себя шиат Али (шиа – группа, партия, отсюда и слово «шииты»), продолжали борьбу и провозгласили третьим халифом (после Мухаммеда и Али) сына Али и Фатимы, Хусейна. В 680 г. Хусейн пал в бою со сторонниками Омейядов (день его гибели – траурная дата для всех шиитов, а место его гибели, иракский город Кербела, – одна из их главных святынь, точно так же, как и город Наджаф, где покоится прах Али). В глазах шиитов Али и Хусейн являются мучениками.

Казалось бы, какое значение эти древние события имеют сегодня? А насколько актуальна история взаимоотношений между двумя ветвями христианства – православием и католицизмом? Много ли христиан вообще знают, что одной из главных причин раскола между Западной и Восточной церквями явился вопрос о том, от кого исходит Святой Дух – только ли от Бога Отца или

также от Бога Сына? Единожды разойдясь, две церкви стали считать одна другую «неправильной» или даже еретической. Точно так же, не найдя согласия по поводу того, должна ли верховная власть (имамат, от слова имам – духовный руководитель, глава мусульманской общины) переходить к избранному халифу или передаваться по наследству только прямым потомкам Мухаммеда, сунниты и шииты образовали две непримиримые враждующие группировки.

Ортодоксальные мусульмане, провозгласившие себя «людьми Сунны» (а Сунна – это вторая по значимости после Корана священная книга – Священное Предание – мусульман, представляющая жизнь Мухаммеда как образец для всей общины правоверных) с тех пор именуются суннитами. Шииты тоже почитают Сунну, полагая, однако, что суннитская трактовка ислама искажает истину и принижает роль Али, который в глазах шиитских богословов чуть ли не равен самому Мухаммеду. (Некоторые из них верят, будто Аллах сказал Мухаммеду, что, мол, если бы не было тебя, я не сотворил бы мира, но если бы не было Али, я не создал бы и тебя.) Считая истинными мусульманами только самих себя, шииты ставят суннитов лишь на одну ступеньку выше кафиров, т.е. неверных.

Хотя шииты составляют лишь одну десятую часть почти 1,5-миллиардного мусульманского населения планеты, шиизм – не секта, а один из двух основных толков ислама наряду с суннизмом. Но эта конфессия отнюдь не монолитна. Она включает в себя несколько крупных общин, самая многочисленная из которых – община «двунадесятников» (именно она доминирует в Иране и Ираке). Ее члены признают своими духовными руководителями последовательно 12 имамов из рода Али, причем, согласно их вере, двенадцатый имам, Мухаммед, исчез в малолетнем возрасте в 873 или 874 г. Это так называемый скрытый имам, возвращения которого в качестве мессии (махди) шииты-«двунадесятники» ожидают и поныне. Другая крупная община – исмаилиты (Исмаил – старший сын шестого имама, Джафара. Он не мог наследовать имамат, так как умер раньше своего отца, но исмаилиты, в отличие от «двунадесятников», не признали седьмого и последующего имамов и считают седьмым, скрытым имамом именно Исмаила.) В Средние века исмаилиты создали огромный Фатимидский халифат (909–1171), под властью которого оказались

Египет, Магриб, Палестина, Сирия и Хиджаз. Однако впоследствии и они не избежали раскола. (После 1078 г. фатимидские исмаилиты раскололись на низаритов и мусталитов – по имени Низара и Мустали, сыновей фатимидского халифа Мустансира, правившего в 1036–1094 гг. Мусталиты преобладали в Египте, низариты – в Иране, Сирии, Индии.) Приверженцы исмаилитской конфессии живут и на Памире. Среди других шиитских сект следует упомянуть друзов, проживающих сейчас в Ливане, Сирии и Израиле; нусайритов (Турция и Ливан, а также Сирия, где они под именем алавитов образуют, несмотря на свою малочисленность, правящую группировку, в которую входит также президент страны Башар Асад); зайдитов, большинство которых проживают в Йемене и занимают там доминирующие позиции. Однако сегодня под шиитами подразумевают прежде всего «двунадесятников» Ирана, Ирака и Ливана. Немало их и в странах Персидского залива, но там они оттеснены господствующими суннитскими общинами.

Уникальной особенностью шиитского толка ислама является наличие духовной иерархии, полностью отсутствующей у суннитов. Вообще в исламе нет Церкви как института и духовенства как духовной корпорации. Мусульманин не нуждается в посреднике между собой и Богом, он как бы напрямую общается с Аллахом, совершая 5 раз в день молитву, соблюдая пост в течение месяца Рамадан, уплачивая регулярный налог (закят) в пользу нуждающихся единоверцев, предпринимая, если это возможно, паломничество в Мекку, а главное – строго придерживаясь норм «надлежащего пути» (шариат), указанного в Коране. Мулла – это всего лишь учитель религиозной школы, знаток мусульманского ритуала, к которому простой человек может обратиться за разъяснениями по поводу тех или иных правил ислама. Улем тоже не священник, а знаток богословия и шариатской юриспруденции. Все это относится и к суннитам, и к шиитам, но у последних возникла особая категория авторитетных богословов – муджтахиды, имеющие право выносить самостоятельные решения по вопросам фикха, т.е. мусульманской юриспруденции и комплекса социальных норм. Муджтахид, будь он иранец или афганец, должен в совершенстве владеть арабским языком, знать наизусть весь Коран и не менее 3 тыс. хадисов (предания о словах и действиях Мухаммеда, на которых основана Сунна). Самые почитаемые муджтахиды, соби-

рающие вокруг себя учеников и последователей, получают от коллег звание марджа ат-таклид (образец для подражания). Наиболее выдающиеся из них носят титулы худжат аль-ислам (доказательство ислама) или даже аятолла (знамение Аллаха). Есть и титул великий аятолла – им был лидер иранской революции Рухолла Мусави Хомейни. Наиболее известный из современных великих аятолл – Али ас-Систани, духовный вождь шиитов Ирака, играющий важную политическую роль. Значение богословов в общественной жизни шиитов исключительно велико. Небывалый подъем шиизма в последние десятилетия связан в первую очередь именно с этими людьми, многие из которых, по сути, являются властителями дум верующих.

На протяжении всей своей истории шииты в арабских странах подвергались гонениям, ощущали себя людьми второго сорта. Нередко им приходилось скрывать свою принадлежность к шиитской конфессии: недаром среди шиитов укоренилось такое понятие, как допустимость сокрытия своей веры, главным образом в случае опасности. Но, с другой стороны, такое положение помогло шиитам сплотиться, солидаризироваться, ощутить свою особую общность. Накапливавшиеся столетиями чувство унижения, непреходящая вековая боль – все это рано или поздно должно было прийти до критической точки и вырваться наружу. Шиитам всегда была присуща традиция мученичества, жертвенности, доходившей до иступления и экстаза. Как писал профессор Калифорнийского университета в Беркли Хамид Альгар, «каждый день в жизни шиита – это борьба, которая должна привести его либо к триумфу, либо к мученичеству». Для того чтобы «скрытый снаряд» взорвался, требовались только подходящие условия, и они назрели в виде исламской революции 1979 г. в Иране. В этой стране, где шииты всегда составляли подавляющее большинство и не подвергались гонениям, предпосылки антишахской революции были связаны с другой особенностью шиитского ислама – идеей о допустимости свержения несправедливого правителя (вообще же в исламе, как и в христианстве, действует принцип «всякая власть – от Бога»). Закономерно, что бунт против шаха, «тирана, угнетателя и отступника от законов ислама», возглавила духовная корпорация под руководством Хомейни. Хотя поначалу массовые демонстрации расстреливались армией, они возобновлялись вновь и вновь, причем в первых – наверняка обреченных – рядах демонстрантов шли мул-

лы и другие духовные лица. За ними устремлялись толпы людей, каждый раз все более многочисленные, с плакатами «Смерть шаху!». Итог известен: солдаты не устояли. Иранская революция имела принципиальное значение: она совпадала с политическим пробуждением шиитов, в течение столетий веривших, что законная власть установится только после возвращения «скрытого имама», а до тех пор, в сущности, не так уж и важно, кто правит страной. Но скрытым до поры до времени оказался не имам, а бунтарский «шиитский дух».

Победа исламской революции явилась громом среди ясного неба как для Соединенных Штатов, так и для Советского Союза. Американцы и помыслить не могли, что народ, положение которого в целом улучшилось в результате «белой революции» шаха, восстанет против режима. Советские же руководители исходили из того, что революция может быть только классовой, антибуржуазной, а условия в Иране для этого еще не созрели. Но в иранской революции воедино слились религиозный и националистический факторы. Чисто материальные стимулы отошли на второй план, и когда через несколько лет выяснилось, что благосостояние людей ухудшилось, Хомейни сказал: «Мы не для того совершали революцию, чтобы снизить цены на дыни». Правители арабского мира, равно как и их покровители в Вашингтоне, испытали нечто вроде шокового состояния: казалось, что исламская революция лавиной покатится по Ближнему Востоку. Однако война с Ираком истощила силы Ирана, а смерть Хомейни буквально вышибла дух из революции. К тому времени революционный энтузиазм угас, триумфальное шествие воинствующего ислама по всему региону так и не состоялось. Режим новых духовных правителей показал свою оборотную сторону. Некомпетентность, коррупция, произвол, жестокие преследования инакомыслящих, стремление внедрять в жизнь общества худшие, граничившие с мракобесием элементы шариата — все это вызвало глубокое разочарование, и в первую очередь у молодежи. При этом установленный Хомейни принцип веляят-е-факих (власть богословов, т.е. теократическое устройство государства) сохранился, и сейчас можно сказать, что Иран уже отнюдь не выглядит как образец для других мусульманских стран.

Иранская революция оказала глубокое воздействие на Ливан — страну, где шиитская община прозябала на самой нижней

ступеньке социальной лестницы. Большая часть этой самой нищей из ливанских общин жила на юге страны, на границе с Израилем. Именно в этом районе был образован «Фатхленд» – территория, на которой расположились боевики организации «Фатх» Ясира Арафата, изгнанные королем Хусейном из Иордании в 1 г. и ведущие на границе «малую войну» с израильтянами. Систематический обстрел Южного Ливана израильской артиллерией вынудил значительную часть шиитских крестьян покинуть свои земли и переместиться в Бейрут, вследствие чего численность уже проживавшего в беднейших кварталах столицы шиитского населения резко возросла. Когда в середине 1970-х в Ливане вспыхнула гражданская война, ее участниками, не считая палестинцев, оказались христиане – приверженцы маронитской церкви, а также друзы и сунниты. Шииты же даже не имели своей вооруженной милиции и вообще не принимались в расчет. Они появились на политической арене Ливана в тот момент, когда в ход гражданской войны вмешались внешние силы – сначала израильтяне, ликвидировавшие «Фатхленд» и изгнавшие из страны отряды палестинского сопротивления, а затем прибывшие для «наведения порядка» американские и французские войска. Вот тут-то и подняли голос забитые и обездоленные шииты. Именно они самым энергичным образом выступили против интервентов, из среды шиитов вышли первые арабские камикадзе. В 1983 г. шиитские смертники – шахиды – ворвались на автомашинах в здание посольства США, в казармы американских и французских войск.

Иран сыграл решающую роль в подъеме шиитского движения в Ливане. По некоторым данным, на юг страны по разрешению аятоллы Хомейни прибыли полторы тысячи бойцов из Корпуса стражей исламской революции. При их участии стали формироваться отряды шиитских боевиков, получавших из Ирана деньги и оружие. Вторым партнером (или патроном) ливанских шиитов стала Сирия, возникла ось Тегеран – Дамаск, несколько странная с точки зрения конфессиональных взаимоотношений, поскольку доминирующая в сирийском руководстве секта алавитов считается шиитами не вполне мусульманской. Но политика важнее, и Хомейни издал фетву (богословско-правовое заключение), в соответствии с которой алавиты находятся в лоне ислама. Тем временем изменилась и расстановка сил в шиитском политическом лагере: созданная несколькими годами ранее и не слишком эффективная

организация «Амаль» раскололась, из нее вышли наиболее радикальные – и потому получавшие значительную поддержку со стороны иранцев – элементы, создавшие ливанский финал иранской организации «Хезболла» (партия Аллаха) во главе с шейхом Аббасом Мусави. Сейчас во главе «Хезболла» стоит харизматический лидер Хасан Насралла, а главным духовным авторитетом ливанских шиитов является шейх Мухаммед Фадлалла. Доходило до того, что между сторонниками относительно умеренной партии «Амаль» и экстремистами «Хезболла» возникали вооруженные столкновения, но все закончилось «разделением ролей»: «Амаль» участвует в официальной политической жизни, а «Хезболла» трансформировалась в вооруженную силу, направившую острие атак на Израиль. Когда гражданская война закончилась (в немалой степени благодаря вмешательству сирийской армии) и Сирия фактически установила контроль над Ливаном, «Хезболла» без колебаний сделала ставку на нового покровителя.

С тех пор Иран и Сирия остаются двумя патронами «Хезболла». Мощная поддержка со стороны таких сильных региональных держав позволила шиитским экстремистам превратить свою организацию фактически в самую влиятельную военно-политическую силу в Ливане. «Хезболла» стала единственной ливанской политической партией, имеющей в своем распоряжении хорошо подготовленные военные формирования в общенациональном масштабе – независимо от доли ее представительства в парламенте. Во время недавней поездки по Ливану автор этих строк видел членов «Хезболла» в их желтом камуфляже гораздо чаще, чем военных и полицейских, и складывалось впечатление, что они чувствуют себя хозяевами. После недавнего вынужденного ухода сирийских войск из Ливана «Хезболла» показала, что без нее стабильность в стране недостижима. Случилось то, чего никто не мог предвидеть: ливанские шииты стремительно взметнулись с самого дна общества наверх, заставив считаться с собой традиционные привилегированные общины – маронитов, суннитов и друзов. Это могло произойти только благодаря неожиданному проявлению «шиитского духа», долгое время незаметного, загнанного вглубь. К удивлению арабов других конфессий, извечно дискриминируемая и презируемая маргинальная община породила наиболее стойких и самоотверженных бойцов за общееарабское дело (как его понимают арабские националисты) – дело борьбы против империа-

листов и сионистов. Деятельность «Хезболла» вышла за рамки отстаивания прав ливанской шиитской общины и даже интересов Ливана как государства. Религиозные экстремисты сделали заявку на то, чтобы возглавить арабское национальное движение.

Если религиозный фундаментализм зародился в суннитской общине, то фундаментализм политический вызревал среди шиитов. Это проявилось в Иране и Ливане, в настоящее время данный процесс развивается в Ираке. Ко времени достижения Ираком независимости в 1932 г. 21% населения страны составляли арабы-сунниты, 53% – арабы-шииты, 14% – курды-сунниты, остальные – более мелкие этнические и конфессиональные общины. Главным объектом преследований со стороны багдадских суннитских властей являлись, конечно, курды, но при диктатуре Саддама Хусейна под удар попали и арабы-шииты. Во второй половине 1970-х из страны было выслано до 200 тыс. шиитов, обвиненных в иранском происхождении и принадлежности к «пятой колонне». Шиитскую организацию «Дауа», вынужденную действовать в подполье, разгромили, а ее лидера – аятоллу Мухаммеда Бакр ас-Садра, которому прочили славу «иракского Хомейни», казнили в 1980 г. Едва ли не единственный уцелевший член большой семьи аль-Хаким аятолла Мухаммед Бакр аль-Хаким укрылся в Иране, где возглавил организацию под названием «Высший совет исламской революции в Ираке». Репрессии против шиитов в Ираке напоминали геноцид. После разгрома саддамовских войск американцами в ходе операции «Буря в пустыне» в 1991 г. шииты подняли восстание на юге страны, но оно было подавлено с жестокостью, не уступавшей по масштабам действиям властей при подавлении восстания курдов на севере: погибло до 30 тыс. приверженцев Али. После свержения саддамовского режима весной 2003 г. в Ирак триумфально вернулся аятолла Мухаммед Бакр аль-Хаким, а вместе с ним и созданный им в Иране корпус «Бадр» численностью 10 тыс. бойцов. Высший совет исламской революции в Ираке сразу стал влиятельнейшей силой в стране, где после падения суннитской баасистской диктатуры шииты впервые в истории получили возможность выйти на политическую арену. Но уже 29 августа 2003 г. аятолла был убит в результате мощнейшего взрыва при выходе из мечети в священном городе Наджаф, погибли еще более 100 человек. Это стало началом продолжающейся до сих пор кампании террора, которую развернули ушедшие в подполье баасисты

совместно с нахлынувшими в Ирак иностранными боевиками – исламистами, людьми из «Аль-Каиды». И те и другие – сунниты, и для них аль-Хаким являлся врагом вдвойне: и как духовный вождь шиитов, и как очень авторитетный политик умеренного толка. Учитывая его иранские связи, он, возможно, и был сторонником создания теократического государства в Ираке, но на тот момент выступал посредником между американцами и шиитами, между шиитами и суннитами, Америкой и Ираном, участвовал в политическом процессе, инициированном главой американской оккупационной администрации Полом Бремером. Этого ему не простили. Однако, по существу, тот же курс продолжил и ставший новым духовным лидером иракских шиитов великий аятолла Али ас-Систани, оказывающий по сей день сдерживающее влияние на шиитских экстремистов, в первую очередь на молодого амбициозного клирика Муктаду ас-Садра (сын убитого саддамовскими палачами в 1999 г. аятоллы Садыка ас-Садра).

Муктада, создавший Армию Махди – собственные вооруженные силы численностью более 10 тыс. человек, – претендовал на роль вождя иракского антиамериканского сопротивления и весной 2004 г. вступил с воинскими частями США в бой в Наджафе. В результате вмешательства ас-Систани, пользующегося у шиитов громадным авторитетом, ему пришлось вывести оттуда своих бойцов. Сейчас Муктада ас-Садр фактически смирился с линией Али ас-Систани, прекратил вооруженную борьбу и даже удостоился теплой встречи со стороны премьер-министра Ирака Ибрахима Джаафари. Почему шииты пошли за престарелым аятоллой, не побоявшимся в обстановке всеобщей ненависти к «большому сатане» объявить «священным долгом мусульман» участие в выборах, организованных по американскому плану? Шиитские лидеры поняли, что демократический конституционный процесс предоставляет им колоссальные возможности. Ведь поскольку шиитов в Ираке почти вдвое больше, чем суннитов, выборы обеспечивают им доминирующее положение в государстве, а после образования легитимной и эффективной власти можно будет, решив суннитскую проблему, избавиться и от иностранной оккупации. Таким образом, для иракских шиитских лидеров Соединенные Штаты – это всего лишь временный конъюнктурный партнер. Они, видимо, считают, что взаимодействие с Америкой является более коротким и надежным путем к независимости и выводу американских войск,

чем вооруженная борьба, которая может продолжаться долгие годы и довести Ирак до полного разорения, ибо США все равно не покинут страну, пока в ней не установится хотя бы подобие стабильности. Уже в первом правительстве постаддамовского Ирака шииты имели 13 из 25 министерских портфелей. В избранном в январе 2005 г. парламенте Объединенный иракский альянс («список клириков», как его называли), в котором доминировали две шиитские партии, получил около половины всех голосов. Его представители имеют 140 мест из 275, но депутаты-шииты есть и в насчитывающей 40 депутатских мест фракции «Иракский список», возглавляемой бывшим премьером шиитом Айядом Алауи. В победивший альянс входят старейшая, традиционная шиитская партия «Дауа» и «Высший совет исламской революции в Ираке» – партия, потерявшая своего лидера Бакра аль-Хакима, но зато пользующаяся покровительством ас-Систани. Эта партия получила больше голосов избирателей, чем «Дауа», но все же во главе правительства решили поставить не ее руководителя Аделя Абд аль-Махди, а Ибрахима Джаафари – главу более умеренной «Дауа». Очевидно, это было сделано с целью избежать недовольства в светском крыле шиитского политического спектра, а также в среде суннитов, поскольку «Верховный совет», созданный и долгие годы базировавшийся в Иране, имеет репутацию партии, ориентированной на гипотетическое превращение Ирака в очередную теократическую исламскую республику.

Таким образом, шииты впервые в истории стали доминирующей политической силой в Ираке. Это отнюдь не означает, что Ирак превращается в шиитскую страну. Ни арабы-сунниты, всегда бывшие не просто господствующей, а и наиболее продвинутой общиной, обеспечивавшей квалифицированными кадрами все сферы общественной жизни, ни курды никогда не согласятся на роль отодвинутого на задний план народа. Сейчас именно сунниты ведут вооруженную борьбу против оккупантов, и без удовлетворения их требований (равноправие с шиитами) эта борьба будет только шириться. Есть тревожные признаки того, что представители радикального крыла шиитов на юге страны используют шиитскую милицию для силового насаждения норм шариата, причем их методы напоминают действия «стражей исламской революции» в Иране. Но в Ираке вряд ли удастся создать нечто подобное Исламской Республике Иран. Иранское влияние в Ираке имеет свои пре-

дела. Во-первых, исторически отношения между арабами и персами всегда складывались весьма неприязненно. Во-вторых, духовные иерархии обеих стран являются соперниками. Центр богословия перемещается из иранского города Кума в Ирак. И Наджаф, в котором находится самое престижное шиитское учебное заведение, вновь становится «сердцем шиизма», возвращая себе традиционную роль главного священного города.

Нынешний подъем шиитского активизма сам по себе не приведет к принципиальному изменению соотношения сил во всем мусульманском сообществе. Шииты все равно останутся в численном меньшинстве; соотношение сил между шиитами и суннитами коренным образом изменилось пока только в Ираке и Ливане. Похоже, что судьба политического шиизма зависит от хода событий в Ираке, ставшем ключевой фигурой на ближневосточной шахматной доске. Ведь вся картина в регионе выглядела бы иначе, если бы образовалась ось Тегеран – Багдад. Правда, сегодня антиамериканские настроения Тегерана контрастируют с курсом Багдада на шиитско-американское сотрудничество, но все может измениться. 20–25 лет тому назад правители суннитских стран, которые столкнулись с внезапной угрозой шиитской исламской революции, исходившей из хомейнистского Ирана, оказались в одном лагере с Соединенными Штатами, тоже напуганными экспансией воинствующего антиимпериалистического шиизма. На переднем крае борьбы против Тегерана находился воевавший с Ираном Саддам Хусейн, и фактически сложилась ось Вашингтон – Эр-Рияд – Багдад. Однако Хомейни умер, так и не победив Саддама (в значительной мере из-за американской помощи последнему), в силу чего опасность широкомасштабной шиитской экспансии миновала. Затем Саддам Хусейн, аннексировав Кувейт, превратился из союзника американцев и саудовцев в их врага, явив собой новую угрозу ближневосточному статус-кво, который издавна основывался на союзе между США, Саудовской Аравией и Египтом. Если бы в результате свержения американцами Саддама доминирование суннитов сохранилось, это устроило бы и американцев, и саудовцев. Но получилось иначе. Подъем иракских шиитов привел к тому, что американцам практически ничего не оставалось, кроме как согласиться с их приоритетной ролью в этой стране. Нет гарантии, что такое положение не вызовет цепной реакции на Аравийском полуострове, в Ливане и Иордании и не выльется в уси-

ление шиитских движений в регионе (особенно если в Багдаде тон будут задавать местные хомейнисты – сторонники теократии). При жизни Хомейни признаки подъема политического шиизма под эгидой Тегерана были налицо. Например, пакистанские шииты при поощрении со стороны Ирана отвергли введенные диктатором Зия уль-Хаком исламские законы, посчитав их суннитскими, а в странах Персидского залива началось политическое пробуждение шиитов, ранее и не мечтавших о том, чтобы возвысить свой голос.

Из 21 арабской страны сунниты находятся у власти 20 странах, и любая попытка изменить этот традиционный баланс сил вызывает беспокойство суннитских элит. Даже такой прогрессивный суннитский правитель, как король Иордании Абдалла, предупредил в 2004 г. об опасности образования «шиитского полумесяца». Он имел в виду распространение шиитского политического активизма от Ирана (а теперь уже и со стороны все более «шиитизирующегося» Ирака) на северо-запад – по направлению к Сирии и Ливану и на юго-запад – к Персидскому заливу. Известный американский исследователь ближневосточных проблем Уильям Бимен, профессор Университета Брауна, предвидит создание «шиитского транснационального блока», в который войдут шииты Ирана, Ирака, Ливана, Бахрейна, Кувейта, Саудовской Аравии, Афганистана, Пакистана и Индии. Действительно, в Ливане шииты, уже являющиеся крупнейшей общиной, имеют шансы (учитывая тот же демографический фактор, что сыграл роль в Ираке) стать ключевой политической силой. В Бахрейне, где правят сунниты, шииты составляют до 75% населения, и попытка шиитских активистов добиться для своей общины если не господствующего, то во всяком случае гораздо более высокого, чем нынешний, статуса – это лишь вопрос времени. И, наконец, что несравненно важнее, не исключен подъем шиитского движения в Саудовской Аравии, где шииты составляют 10–15% населения. Их большая часть живет в Восточной провинции, где расположены главные нефтепромыслы. Но если власти Саудовской Аравии и захотят удовлетворить какие-либо требования шиитов, то они столкнутся с серьезными проблемами, поскольку ваххабизм – официальная религия этого государства, относящаяся к суннитскому толку ислама, – настроен по отношению к шиитам наиболее враждебно и непримиримо. Ваххабитские улемы не допустят ни малейших уступок шиитам, которых они проклинаят в своих проповедях как «пятую колонну врагов под-

линного ислама». Угроза, исходящая от «шиитских рафиди» (отвергающих истину ислама), по мнению ваххабитов, «не меньше, чем опасность со стороны евреев и христиан». Вождь иракских ваххабитских исламистов – приверженцев «Аль-Каиды» Абу Мусаб аз-Заркауи (тот самый, на совести которого отсеченные головы иностранных заложников) в одном из своих обращений к иракским суннитам назвал шиитов «непреодолимым препятствием, затаившейся змеей, хитрым и зловредным скорпионом, шпионящим врагом и глубоко проникающим ядом». Враждебными шиитам всегда были афганские талибы, заявившие, например, что массовое убийство шиитов в Мазари-Шарифе в 1997 г. явилось «реваншем истины».

Вырисовывается серьезная угроза позициям правящих династий, которые, как это ни парадоксально, только в Соединенных Штатах могут видеть внешнюю опору, союзника в борьбе против надвигающихся перемен. США оказались в не менее сложной ситуации. Вопреки прогнозам сегодня не шииты, а сунниты представляют для американцев главную опасность. Правда, это другие сунниты – не традиционные союзники Вашингтона, стоящие у власти в арабских королевствах и эмиратах, а воинствующие, в первую очередь ваххабитские, религиозно-политические группировки, сплотившиеся в широкую транснациональную террористическую сеть под идейным главенством «Аль-Каиды». Наиболее взрывоопасными районами следует считать Саудовскую Аравию и Пакистан. Например, в результате ударов террористов-смертников по нефтяным объектам Саудовской Аравии экспорт нефти из этой страны может уменьшиться на две трети, что вызовет дефицит сырья на мировом рынке. Что же касается обладающего ядерным оружием Пакистана, то свержение президента Мушаррафа и приход к власти людей, близких к «Аль-Каиде», чреваты непредсказуемыми последствиями. Акции такого масштаба могут быть делом рук только суннитских экстремистов. Вряд ли шиитские политики обрадуются унижению поражению ненавистной им Америки, если оно будет достигнуто ценой мощного усиления их суннитского соперника. К счастью для Запада, да и для всего мира, объединение шиитских и суннитских экстремистов в единый фронт нереально.

*«Россия в глобальной политике»,
М., 2005 г., ноябрь–декабрь, с. 128–141.*